

КАЛЕНДАРЬ
«ЛГ»

К 100-летию
со дня
рождения
Антанаса
ВЕНУОЛИСА

Григол
АБАШИДЗЕ

У ИСТОКОВ
НАШЕЙ
ДРУЖБЫ

Творчество Антанаса Венуолиса (Жукаускаса), столетие со дня рождения которого отмечается в апреле этого года, сыграло значительную роль в становлении литовской советской литературы, внесло заметный вклад в развитие реалистических традиций многонациональной советской прозы. Тесно связанный с жизнью своего народа, писатель черпал темы произведений в гуще событий эпохи: жизнь литовской деревни, судьбы интеллигенции, освободительного движения. Еще в юные годы, приехав на Кавказ, он принял участие в революционной борьбе грузинского народа. Критическое отношение к буржуазной действительности помогло окрепнуть таланту Антанаса Венуолиса, осознать те перемены, которые произошли в Советской Литве, найти свое место в созидании новой жизни. Роман «Усадьба Пруджюнасов» — широкое эпическое полотно судьбы литовского народа, — подведший итог творческого пути и исканий писателя, сделал его имя широко известным всесоюзному и зарубежному читателю.

В юбилейной публикации «ЛГ» предлагаем вниманию читателей воспоминания о встречах с Антанасом Венуолисом народного поэта Литвы Эдуардаса МЕЖЕЛАЙТИСА, а также слово о писателе грузинского поэта и прозаика Григола АБАШИДЗЕ.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ЭЛИКСИР
ДОБРОТЫ

ВОЛНЫ плещутся о дно лодки, качают и убаюкивают нас обоих. Может, беззаботное настроение меланхолического, теплого, напевного поэзией вечера, может, чувство неожиданной близости Истории, а может, синкопический ритм озерных волн — кто знает — поднимают со дна кладовой памяти строфы, метафоры, мелодичные шелесты, сложенные туда еще в детстве, подобно редким камушкам, разноцветным осколкам стекла. На корме сидит Антанас Венуолис, большой художник романтико-реалистической эпохи в литовской литературе. (Невольно представляю, словно в песочных часах: романтизм «пересыпался» вниз — и наступало время реализма.)

На изумрудном фоне вод Венуолис вырисовывается еще ярче, весь белый, похожий на ангела из легенды: белое легкое платье — пиджак, рубашка, белая с белым козырьком кепка, из-под которой выбиваются легкие, как пух одуванчика, волосы. В этом наряде кажется он мне торжественно красивым и очень добрым, лиричным, как его кавказские легенды, ранняя проза. И будто не лицо, а смуглый, чуть продолговатый лик глядит из белой рамы светлыми, почти прозрачными, как в озере вода, глазами. Смотрю на него, а вижу белую березу, мечтательно застывшую над лоном вод... Одеваться в белое он привык давно, когда еще собирал на Кавказе сверкающие самоцветы народных сказаний для своих неповторимых легенд, — там и солнце жарче светит, и сердце стучит горячей, а через горы и долины льется протяжная песня, так похожая на литовскую...

КОГДА впервые я попал в Грузию, сразу поспешил к снеговым вершинам гор: хотелось услышать рыдания «вечного скрипача» и стоны «проклятых монахов», о которых повествуется в преданиях, поэтических переложениях некогда Венуолисом. И я услышал... Я услышал их, наверное, потому, что с малых лет они звучали в моей крови: ведь каждый первоклассник почти что наизусть знал прекрасные «Кавказские легенды».

В горах Кавказа в начале нашего столетия и начался долгий, длинный в полвека, и нелегкий путь Венуолиса в литературе. Тогда и зародилась в его сердце неутомимая тоска по красоте, правде, человечности.

Позднее для меня наступило время знакомства с Вероникой, героиней знаменитой «Утопленницы» — этого шедевра литовской реалистической литературы. Образ доверчивой и верно любящей девушки, ставшей жертвой предрасудков старой деревни, невежества, темноты, лживой морали и человеческой жестокости, до сих пор волнует своей трепетной правдивостью.

Так, еще на школьной скамье я познакомился с книгами этого удивительного мастера слова. Однако мне, ученику первых классов, который не разучился с «Кавказскими легендами» и обливаясь слезами над печальной повестью о бедной Веронике, даже и в голову не могло прийти, что я когда-нибудь смогу общаться с Венуолисом. И уж вовсе дерзкой мне показалась бы тогда мысль, что вот так буду сидеть

в одной лодке с классиком литовской литературы, на том же самом озере, где погибла батрачка из села Шепечай. Но вот я сижу против него, и он с великой болью в сердце, с болью, не подвластной времени, вновь рассказывает мне эту историю, кажется, доподлинно ему известную, рассказывает о темном прошлом, которое загубило не одну любовь, не одну человеческую судьбу... Словно читая мои мысли, Венуолис говорит:

— Счастье, что люди все-таки становятся добрее — больше любят и уважают красоту. Человек теперь больше ценит другого человека. Счастье...

Он улыбнулся молодой улыбкой, встал в лодке — выпрямилась во весь рост белая ветвистая береза.

— Похолодало... Пора домой...

...Дома по деревянной лестнице мы поднялись в скромную, но уютную мансарду писателя. Венуолис подошел к шкафчику, достал две маленькие рюмки и плоский стеклянный флакон, наполненный зеленовато-коричневой жидкостью, на дне лежало несколько черных корешков, крошки трав...

— Брр... — рассмеялся он. — Прогрели... Согреться надо. Попробуй... Это очень дорогой и редкий напиток. Такого нигде не получишь, только у меня. Я знаю целебные травы... сам собираю... сам делаю настойку...

— А что за травы?

— Э, множество... Даже названия не все помню... Эта настойка — лучшее лекарство от любой невмочи...

Он и правда был замечательным аптекарем. И для многих так и остался лекарем-кудесником, который днем усердно составлял капли и микстуры, а ночью, когда успокоенные его лекарствами люди спали крепким сном, сидел над рукописями. Долго не гас огонек в его окне. Но таких лекарств, которые принесли бы ему самому сон и покой, у него не было: ночи напролет он изготавливал другие снадобы — для людских сердец, чтобы стали они добрее, чуточку. Видели его часто на берегах озера, на заливных лугах Швянтойи и тропинках аникцийского бора. Он старательно собирал редкие травы, переливал из чаши цветка в свою посуду маленькое солнышко — круглую каплю росы. Настоящим чудотворцем был этот аникцийский аптекарь, колдовавший всю жизнь над словами. Немало лекарств от окостенения людских сердец изготовил за свой долгий век этот белый человек с продолговатым лицом и светлыми глазами.

...Вечером того же дня я шагнул по берегу реки Швянтойи, направляясь к вокзалу. Оглянувшись на дом Венуолиса: сквозь листву вековых деревьев все светилось его окошко, горела лампа на столе. И я подумал: не над лекарствами мудрует сейчас беловолосый чародей, он составляет эликсир для души человека. Может, старший мастер продолжал в тот вечер историю семьи Пруджюнасов, роман о Литве Уходящей и о новой Литве... Эта книга А. Венуолиса была одним из прорывов литовской советской прозы, слава которой перешагнула сейчас пределы не только нашей и малой родины, но и всей огромной Страны Советов.

ВТОРОЙ Всесоюзный съезд писателей. Немало лет прошло после памятного I съезда, прежде чем в Москве вновь собрались литераторы всех братских республик нашей страны.

Целая эпоха стояла за плечами: предвоенные пятилетки, героическое время Великой Отечественной, восстановление разрушенных городов и сел... Тем более теплыми и радостными стали для всех нас встречи со старыми и новыми друзьями на большом писательском форуме.

Сейчас мне вспоминается одна из таких встреч с замечательным литовским писателем, давним другом грузинского народа и его литературы Антанасом Венуолисом.

Испытания и годы не могли не наложить на него своего отпечатка: некогда высокая и прямая фигура ссутулилась, глубже, заметнее стали морщины. Лишь глаза остались молодыми, и по-прежнему с горячей заинтересованностью он вскидывал их на своего собеседника.

В те дни и сказал Антанас, обращаясь к своим грузинским друзьям и, наверное, к своей далекой молодости: увидеть бы еще хоть раз Дарьял!

Полвека прошло с тех давних дней, когда никому не известный паренек из литовской деревни Ужуожеряй пешком прошел Дарьяльское ущелье, всю Военно-Грузинскую дорогу из конца в конце. Так он дошел до Тбилиси, поселился там, начал работать, тогда же началась его активная деятельность в революционно-освободительном движении. В 1905 году А. Венуолиса арестовали и заключили на полтора месяца в Метехский замок, где вместе с ним томились в заточении многие выдающиеся деятели большевистской партии, сыны грузинского и русского народов.

А. Венуолис любил и хорошо знал наш древний край, его народ, историю и культуру. Он собрал, основательно изучил и обработал образцы устного народного творчества, а затем использовал их в своих произведениях. Многие литовские поэты и прозаики писали о Грузии, влетали в ткань своих книг легенды и предания нашей земли. Если перечислить всех этих писателей, список получится внушительный. Первое место в нем по праву принадлежит А. Венуолису.

Грузинские народные сказания, вдохновенно переосмысленные писателем, имеют особое значение не только в творчестве самого А. Венуолиса, но и во всей литовской классической прозе. Они составили его знаменитый сборник «Кавказские легенды», лучшие рассказы которого входят в антологию дружбы наших литератур. Рассказывая об истории создания этих произведений, А. Венуолис писал: «Жизнь на Кавказе — самые красивые и счастливые дни моей жизни. Первым своим художественным произведением я считаю рассказ «Вечный скрипач». То, что я увидел в горах Грузии, просто невозможно было передать человеческим языком — потому я и хотел в своем рассказе воспользоваться музыкой...»

Но литовский писатель увидел в нашем краю не только величественную и прекрасную природу, романтические предания. Нет, он проник в самую суть чаяний грузинского народа, разделил его горести и муки, познал надежды и мечты о новой, справедливой жизни. Великий Октябрь открыл путь к этой жизни для всех народов царской России, которые вот уже 60 лет рука об руку идут по нему.

Когда после войны А. Венуолис вновь посетил нашу республику, то с восторгом отметил происшедшие в ней перемены: «Теперешний Казбеги вовсе не похож на старый Степанцинда. Новые кирпичные дома, скверы, улицы — все изменилось, стало еще прекрасней!»

Творчество А. Венуолиса легло в основу крепких литературных связей между литовскими и грузинскими литераторами. В Грузии всегда с благодарностью помнят о замечательном вкладе в пропаганду нашей культуры таких мастеров слова Литвы, как П. Цвирика, А. Венцлова, Л. Гира, К. Борута, Э. Межелайтиса, Ю. Марцинкявичюс, М. Слукис, Э. Матузявичюс, и многих других. Грузинские писатели тоже стараются не остаться в долгу. И это не просто «долг дружбы» — это настоящая творческая радость от встреч с большой литературой, радость, которую, к примеру, лично я испытал, вместе с Р. Маргиани («Время года» К. Донелайтиса. У истоков этой дружбы, ее выдающийся предтечей стоит Антанас Венуолис.